

Глава 4

Они сошлись, как дракон с тигром. Шэнь Чэнь, подражая, отвечал на каждое движение, пока... пуговицы на рубашке Гу Чжэнцина не разлетелись по углам, а полы одежды не разошлись в стороны.

Юноша схватил бутылку красного вина и вылил её на мужчину, а затем принялся смаковать терпкий аромат.

Вино лилось алым дождём, стекая на пол. Шэнь Чэнь опрокидывал одну бутылку за другой, доводя Гу Чжэнцина до иступления, и сам разгорячился до предела.

Зверь окончательно обезумел. Гу Чжэнцин оказался в тисках; он боролся снова и снова, но каждая его победа длилась лишь несколько секунд. Не успев вкусить триумфа, он вновь оказывался повержен.

Тело горело, вино холодило кожу. От этого контраста Гу Чжэнцин почти потерял рассудок. В этом удушающем, как морская пучина, ощущении он мог лишь бороться за каждый глоток воздуха.

Мужчина не терпел быть в подчинении. Кто бы ни ложился в его постель, будь то Омега или Альфа, должен был покорно лежать снизу. Ему встречались и дикие Альфы, но в конце концов он умирал их, доводя до красных от слёз глаз и заставляя молить о жалости.

Но Шэнь Чэнь был другим. На первый взгляд он казался чистым и свежим, но в его душе таилась безумная тьма, способная на всё без причин и логики. Гу Чжэнцин действовал с холодной, расчётливой жестокостью. Парень же был из тех безумцев, что могли пронзить мечом и себя, и возлюбленного, чтобы, умирая, забрать того с собой.

Когда клыки вонзились в железо, Гу Чжэнцин крепче обнял шею юноши и мучительно застонал. От боли он побледнел, а в уголках глаз выступили непроизвольные слёзы.

Как ставить метку, Шэнь Чэнь знал из школьного курса биологии. Он никогда никого не метил, но Альфы инстинктивно чувствуют железы. Его клыки глубоко вонзились в затылок Гу Чжэнцина, и феромоны хлынули потоком.

Он хотел наполнить железу партнёра своими феромонами до самого основания, но орган Беты был словно покрыт масляной плёнкой. Поступающие феромоны соскальзывали, совершенно не впитываясь.

Жестокость зверя была в крови Альфы. Не вышло с первого раза — будет второй, не вышло со второго — будет третий. Юноша пробовал снова и снова, его клыки впивались всё глубже, феромоны бушующей волной вливались в железо Гу Чжэнцина...

Раздражение и злость, копившиеся полмесяца в городе Б, наконец рассеялись вместе с запахом крови. Шэнь Чэнь, впившись в чужую железу, издал вздох облегчения.

Когда мужчина в его руках перестал двигаться, парень понял, что тот потерял сознание.

Он уткнулся в шею Гу Чжэнцина, тяжело и часто дыша.

Время шло. Шэнь Чэнь с непонятым выражением лица смотрел на человека в своих объятиях. Спустя мгновение он слизал каплю крови с его губ: в пылу борьбы он их прокусил.

Шэнь Чэнь поднял его на руки и понёс в ту самую комнату отдыха, где спал до этого сам.

В помещении кондиционер поддерживал комфортную температуру. На столе стояла ваза с яркими розами. Посреди комнаты высилась кровать шириной в метр восемьдесят, застеленная мягким одеялом.

Сначала Гу Чжэнцин сам вылил на себя бокал вина, затем Шэнь Чэнь добавил ещё несколько бутылок. Сейчас мужчина был весь в вине, с его одежды капала алая жидкость.

Рубашка с оторванными пуговицами была брошена на пол.

Юноша стоял у кровати и молча разглядывал Гу Чжэнцина.

В комнате горела лишь одна тусклая прикроватная лампа. Шэнь Чэнь подошёл к зеркалу, сорвал с себя футболку и принялся щипать себя за живот и внутреннюю сторону бедра — там, где кожа была наиболее чувствительной.

Когда следы на его собственном теле стали неотличимы от засосов, он вернулся к кровати и перевернул Гу Чжэнцина на другой бок.

Лишь когда кожа спящего покрылась пятнами, вызывающими жалость, парень взял телефон и набрал номер.

— Я знаю, что вы за мной следите. Купите мне кое-что и принесите.

Ху Чжифань и Ли Ихан, уже решившие, что их молодой господин пропал: ???

Услышав, куда именно нужно доставить вещи, они застыли в изумлении.

Их молодой господин, отчаявшись вернуться в город А, решил пуститься во все тяжкие и расстаться с девственностью?

Ну, даже если так, ничего страшного, он ведь уже совершеннолетний.

Пластыри для желёз они ещё могли понять. Но шприц и перцовый баллончик? Зачем?

От этих мыслей двое парней в летнюю ночь покрылись холодным потом. У их молодого господина... такие нечеловеческие наклонности?

Это же до смерти напугает двух их «малышей».

***

Больно. Чертовски больно. Гу Чжэнцин, ещё не открыв глаз, уже скривился от боли.

Поясница, ноги — болело всё тело.

Он нахмурился и, преодолевая тупую, ноющую боль, открыл глаза.

И тут же был сражён наповал видом резких, чётких черт лица. Настолько, что на мгновение забыл о собственных страданиях.

Шэнь Чэнь...

Вчера он показался ему симпатичным. Сейчас, в постели, этот парень был просто до неприличия красив. Лицо словно высечено из камня — хищная, дерзкая красота. Впрочем, возраст выдавала юношеская мягкость в чертах.

Сейчас юноша спал и выглядел довольно мирно.

Воспоминания о прошлой ночи постепенно возвращались. Гу Чжэнцин помнил, что выпил лишнего. Шэнь Чэнь подошёл, проявил инициативу. Мужчина поддался настроению и первым поцеловал его.

Что было дальше — помнилось смутно.

То, что под одеялом на нём не было ни нитки, Гу Чжэнцина не смущало. Он регулярно занимался спортом, и его тело находилось в отличной форме.

Переспали — так переспали. Детали можно восстановить позже. Голова раскалывалась от похмелья. Он сел, чтобы закурить, но на полпути застыл.

От этого движения из него неконтролируемо вытекло...

Гу Чжэнцин проигнорировал дискомфорт во всём теле и сосредоточился на этом ощущении.

«Если я не сошёл с ума, если это жжение не иллюзия, то меня...»

Он коснулся шеи. На ней уже был наклеен пластырь для желёз. А это означало, что его железу укусили.

Железу, к которой никто никогда не прикасался...

Внезапно Гу Чжэнцин посмотрел на спящего. Его взгляд был таким, словно он готов был сожрать парня, содрать с него кожу заживо.

Он схватил Шэнь Чэня за горло и начал медленно сжимать пальцы.

Тот открыл глаза и встретился с его налитым кровью взглядом.

— Что случилось? — голос юноши был хриплым ото сна.

— Кто позволил тебе лечь в мою постель?

Неважно, какого пола был партнёр, Гу Чжэнцин всегда был тем, кто берет. Кто, чёрт возьми, посмел его поиметь?

И железа. Не то что кусать — трогать было нельзя.

Шэнь Чэню стало трудно дышать. Он перехватил руку мужчины за запястье и немного приподнял её.

— Мы же договорились о цене. Сто тысяч долларов за раз.

Гу Чжэнцин замер.

«Чёрт».

— У тебя что, там золотом с бриллиантами инкрустировано? Сто тысяч долларов — почему бы тебе сразу не пойти грабить?

Цена была настолько абсурдной, что мужчина даже отвлекся от сути проблемы.

Шэнь Чэнь лежал не двигаясь, в его глазах появилось задумчивое выражение.

— Вчера я, кажется, действительно не уточнил валюту. Это моя ошибка. Дядя, можешь дать мне сто тысяч юаней.

Гу Чжэнцин: ???

Слово «дядя» было для него настолько непривычным, что он застыл, решив, что ему послышалось.

— Как ты меня назвал?

— Дядя, — повторил Шэнь Чэнь.

Из-за сдавленного горла его хриплый голос звучал мягче, что в сочетании с юной внешностью придавало ему некую невинность.

Гу Чжэнцин молчал некоторое время.

— Мне в этом году тридцать.

— Да, дядя.

«Дядя, чёрт бы тебя побрал...»

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать. Второй класс старшей школы, осенью перехожу в третий.

Молчание. Долгое молчание. Мужчина медленно убрал руку и принялся в уме подсчитывать возраст парня.

Сейчас тот закончил второй класс старшей школы, осенью — в третий. В школу дети идут в шесть лет, если родились до 31 августа. Если после — на год позже.

Если день рождения Шэнь Чэня после 30 августа, то всё в порядке. Если до...

«Чёрт, он может оказаться несовершеннолетним».

Нет, сейчас же летние каникулы. Значит, выводы про 30 августа могут быть неверными.

«Чёрт. Сто процентов несовершеннолетний».

Гу Чжэнцин взял с тумбочки сигарету и зажал её в зубах. Внешне он был спокоен, но в душе уже представлял, как одной ногой стоит в тюремной камере.

Закон в этой области был суров, особенно к Бетам, у которых нет феромонов и течки, затуманивающих разум.

Даже если его самого поймали, даже если он был пьян в стельку.

Гу Чжэнцин, обдумывая, как вести это дело в суде, выдохнул кольцо дыма и, сохраняя самообладание, сказал:

— Паспорт покажи.

По сравнению с тюрьмой всё остальное было мелочью. Он не хотел даже представлять, как жалко будет выглядеть, распевая тюремные песни.

— Хорошо, — ответил юноша. Он откинул одеяло и встал. Его рюкзак остался в основной комнате.

Гу Чжэнцин, оставшись на кровати, снова замолчал. Сам он был абсолютно голый, а Шэнь Чэнь — полностью одет.

Воспользовавшись тем, что тот вышел, мужчина откинул одеяло и осмотрел себя.

Рука с сигаретой дрогнула. Можно было сказать, что на нём не осталось живого места — всюду виднелись следы.

Если бы Гу Чжэнцин не дорожил своей репутацией, он бы подал на этого щенка в суд за жестокое обращение.

Судя по всему, ночь была бурной.

Когда Шэнь Чэнь вернулся, на кровати уже никого не было. Из ванной доносился шум воды.

Через несколько минут мужчина открыл дверь. Он был в сером халате, с мокрых волос капала вода.

Даже Альфы сходили по нему с ума, и на то были причины. В нём чувствовалась зрелая мужская харизма, помноженная на красивую внешность. Когда он был нежен, в нём хотелось утонуть. Когда холоден — его глубокий взгляд завораживал и подчинял.

Но сейчас на его ключице, там, где была бледная родинка, виднелся след прошлой ночи. За несколько часов он потемнел.

Взгляд юноши на мгновение задержался на этой родинке.

Гу Чжэнцин включил очиститель воздуха, который тут же негромко зажужжал.

Он взял у Шэнь Чэня паспорт, сел на диван и приготовился принять безжалостный удар судьбы.

Тонкая пластиковая карточка, от которой теперь зависела вся его дальнейшая жизнь.

<http://bllate.org/book/16010/1507043>